

М. А. Морозов

**ПРИЗЫВ С ВОСТОКА ИЛИ «ТАК ХОЧЕТ БОГ!».
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ П. ФРАНКОПАНА «ПЕРВЫЙ КРЕ-
СТОВЫЙ ПОХОД: ЗОВ С ВОСТОКА»**

Не так давно, в 2018 г., в Москве вышел перевод монографии Питера Франкопана «Первый крестовый поход: Зов с Востока»¹. Надо заметить, что оригинальное ее издание в Англии вышло не намного раньше, в 2012 г., и практически сразу же она была переведена на ряд европейских языков². Это свидетельствует о том, что тема, которую затронул автор, оказалась интересной широкому кругу читателей. В свою очередь европейское научное сообщество усмотрело в книге новые взгляды на проблему крестоносного движения в целом, и организации так называемого «Первого» крестового похода в частности. Этому обстоятельству есть объяснение, поскольку автор, являясь специалистом в изучении Византийской империи, рассматривает начало крестоносного движения как бы с Востока.

Питер Франкопан — британский историк, старший научный сотрудник Вустер-Колледжа в Оксфорде, директор Оксфордского

¹ *Франкопан, П.* Первый крестовый поход: Зов с Востока / Пер. с англ. М. Витебский. М., 2018.

² *Frankopan, P.* The First Crusade: The Call from the East. London, 2012. Немецкий перевод: *Frankopan P.* Kriegspilger: Der erste Kreuzzug Rowohlt / Übersetzung von Norbert Juraschitz. Berlin, 2017.

© М. А. Морозов, 2021

центра византийских исследований. Его перу принадлежит концептуальное исследование о семействе императора как основе его власти в период правления Комнинов³. Недавно на русский язык был переведен еще один его труд, посвященный Великому Шелковому пути, в котором исследователь выдвинул гипотезу, что именно Персидская империя фактически была тем центром, откуда начался подъем Западной цивилизации⁴. Поэтому точка зрения П. Франкопана на проблему истоков крестоносного движения, на роль Византийской империи в организации вооруженного паломничества в Иерусалим, на отношения императора, пребывающего в Константинополе, с лидерами крестоносцев является важной и заставляет заново обратиться к данной проблематике.

История крестоносного движения всегда привлекала внимание историков-медиевистов, а Первый крестовый поход был особым предметом исследования. Не будем говорить подробно об историографии, она поистине значительна. Укажем только, что в последние десятилетия в ней наметились три направления. Первое направление, которое имеет давнюю традицию, восходящую еще к историкам XIX в., представлено исследователями, изучающими крестовые походы на западном материале. Можно выделить здесь ставшую уже классической работу Дж. Райли-Смита об идеологии крестоносного движения в период Первого крестового похода⁵. Представители этого направления выражают точку зрения, что само движение зародилось на западе, и главным действующим лицом здесь было реформированное в XI в. папство. Другое направление, появившееся в последнее время, характеризуется изучением крестовых походов и взглядов на них представителями мусульманского востока. основополагающим трудом здесь все еще остается монография Кэрл Хилленбранд, которая очень полезна с точки зрения оценки взгляда Востока на Запад⁶. Наконец

³ *Frankopan, P.* Kinship and the distribution of power in Komnenian Byzantium, in: *English Historical Review*. 2007. Vol. 495. P. 1–34.

⁴ *Франкопан, П.* Шёлковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М., 2017.

⁵ *Riley-Smith, J.* The First Crusade and the Idea of Crusading. London, 1986.

⁶ *Hillenbrand, C.* The Crusades: Islamic Perspectives. Edinburgh, 1999. Русский

третье направление исследует проблематику взаимоотношений Византийской империи и крестоносцев как бы из «окон» Константинополя, опираясь на источники преимущественно византийского происхождения. К таким византиноцентричным исследователям, которые считают, что Восточная империя сыграла определенную, если не главную, роль в организации и вдохновении крестоносного движения, можно отнести сэра Стивена Рансимена, написавшего концептуальную трехтомную «Историю Крестовых походов»⁷, и нашего отечественного византиниста Федора Ивановича Успенского⁸. Важным остается исследование немецкого византиниста Ральфа-Иоганнеса Лили, посвященное отношениям между Византией и крестоносными образованиями на Востоке⁹.

Исследование П. Франкопана принадлежит как раз к третьему направлению, поскольку в нем рассматривается роль византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118) в организации и проведении Первого крестового похода. Но в то же время нужно отметить, что в нем поставлены более широкие вопросы, касающиеся крестоносного движения вообще. Мы не будем пересказывать всю книгу П. Франкопана и характеризовать ее по главам. Попытаемся рассмотреть лишь его главную идею, что именно Алексей I стоял у истоков Первого крестового похода.

Идея о том, что Алексей просил на западе лишь союзное войско для борьбы с врагами империи, а получил полноценный крестовый поход, оставалось характерной чертой историографии Первого крестового похода буквально на протяжении столетий. Одним из ярких представителей этой идеи являлся Ст. Рансимен. Описывая реакцию Алексея на известие о приближении крестоносцев, он утверждал, что император был удивлен и напуган, поскольку вместо отдельных рыцарей или небольших отрядов, которые он хотел присоединить к его войскам, теперь в движение пришли

перевод: Хилленбранд, К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. М., СПб., 2008.

⁷ Runciman, S. A History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954. Vol. 1–3.

⁸ Успенский, Ф. И. История Крестовых походов. СПб., 2000.

⁹ Lillie, R.-J. Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten: Studien zur Politik des Byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum vierten Kreuzzug, 1096–1204. München, 1981.

целые армии франков¹⁰. Эту точку зрения поддерживают также П. Лемерль¹¹ и Р.-И. Лили¹².

Хотя этот взгляд в целом признается современными исследователями, его не обошла стороной критика, а в последние годы он подвергается все более критическому вниманию исследователей. Его большая слабость заключается в том, что он почти дословно отражает то, что говорит дочь Алексея I и биограф императора Анна Комнина о реакции императора на прибытие в Константинополь участников Первого крестового похода, а именно о полном удивлении и ужасе¹³. Поэтому неудивительно, что некоторые исследователи считали, что Анна могла скрывать в своем сочинении ту гораздо более активную роль, которую мог играть ее отец, чтобы защитить его от обвинений в нежелательном исходе крестового похода¹⁴. Однако остается вопрос, какова была реальная роль императора в организации крестоносного движения. В историографии представлено два взгляда на эту проблему. Первый заключается в том, что Алексей на самом деле принимал активное участие в зарождении и организации Первого крестового похода и сыграл ведущую роль в формировании его идеалов и целей. Второй взгляд менее категоричный. Алексей, безусловно, принимал в этом деле участие, но он просто использовал испы-

¹⁰ *Runciman, S. A. History of the Crusades... Vol. 1. P. 116.* Еще несколько примеров: *Treadgold, W. A History of the Byzantine State and Society.* Stanford, 1997. P. 619–620; *Tyerman, C. Fighting for Christendom: Holy War and the Crusades.* Oxford, 2004. P. 38–39; *Sakellariou, E. Byzantine and modern Greek perceptions of the crusades,* in: *Palgrave Advances in the Crusades* / Ed. by H. J. Nicholson. Basingstoke, New York, 2005. P. 246; *Phillips, J. Holy Warriors: A Modern History of the Crusades.* London, New York, 2009. P. 7–8.

¹¹ *Lemerle, P. Byzance et la croisade,* in: *Relazioni del X congresso di scienze storiche.* Florence. 1955. Vol. 3. P. 600–601 (репринт: *Lemerle, P. Le monde de Byzance: histoire et institutions.* London, 1978. No VIII).

¹² *Lilie, R.-J. Byzanz und die Kreuzzüge... S. 35; Lilie, R.-J. The crusades and Byzantium during the twelfth century,* in: *The Crusades: Other Experiences, Alternate Perspectives* / Ed. by K. I. Semaan Binghampton, 2003. P. 27.

¹³ *Anna Komn. Alexias. X. 5.*

¹⁴ *France, J. Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade,* in: *Reading Medieval Studies.* 1984. Vol. 10. P. 21; *Thomas, R. D. Anna Comnena's account of the First Crusade,* in: *Byzantine and Modern Greek Studies.* 1991. Vol. 15. P. 274–275.

танный и проверенный на практике способ борьбы с кризисом, который византийцы использовали в прошлом, и распространил его на Латинский Запад. Питер Франкопан является сторонником первой точки зрения. По его собственным словам: «Однако катализатором похода на Иерусалим являлся не папа, а совсем другой человек: призыв к оружию, озвученный Урбаном, был ответом на просьбу о помощи, поступившую от Алексея I Комнина, императора Константинополя [...]»¹⁵.

По мнению П. Франкопана, Алексей был вынужден обратиться с призывом к Западу вследствие быстро ухудшающейся после 1089 г. ситуации в Малой Азии, когда контроль, который византийцы осуществляли в отношении турецких племен в этом регионе, был утрачен. Особенно опасным для империи оказался захват Смирны турецким эмиром Чахой, поскольку он собрал в этом портовом городе флот для нападения на Константинополь. Чтобы исправить ситуацию, Алексей I намеренно решил поощрить и организовать большую экспедицию христиан, чтобы она пришла на помощь его империи.

Идея П. Франкопана достаточно понятна. Но как и все историки, которые занимались происхождением Первого крестового похода, он сталкивается с проблемой нехватки конкретных сведений. У нас в руках имеются источники, на которые исследователи могут опираться, но все они заключают в себе очень большие проблемы. Византийские историки того периода, рассказывающие о крестовом походе, Анна Комнина и Иоанн Зонара, вообще не упоминают о каких-либо предшествующих контактах с папой¹⁶. Хроника, приписываемая Феодору Скутариоту, является альтернативным византийским источником, в котором упоминается причастность Алексея и даже утверждается, что император использовал Иерусалим как приманку как побуждение западных рыцарей направиться к нему на восток. Но Скутариот или какой-либо другой автор этой хроники, писал свое сочинение в начале XIV в., примерно через двести лет после этих событий,

¹⁵ *Франкопан, П.* Первый крестовый поход... С. 28.

¹⁶ Joant. Zonarae. Epitome Historiarum. Vol. 4. P. 242–243.

что неизбежно ставит под сомнение ценность предоставляемых им сведений¹⁷.

Следовательно, именно на основе латинских источников необходимо восстанавливать детали обращения Алексея I к Урбану II. Сведения о посольстве Алексея к папе Урбану исходят от монашеских авторов Эккехарда из Ауры и Бернольда Констанцкого, причем один только Бернольд говорит, что оно было отправлено на собор в Пьяченце в марте 1095 г. Оба свидетельства очень краткие и не обязательно отражают то, что византийские послы говорили в реальности. Авторы просто дают свое собственное толкование их слов¹⁸. Другие латинские источники дают возможность предположить, что Алексей отправлял эмоциональные призывы о помощи в Западную Европу уже в начале 1090-х гг., то есть до Собора в Пьяченце. Первый был выражен в письме, которое якобы было отправлено Алексеем I графу Фландрии примерно в 1091 г., но совершенно очевидно, что его текст либо полностью фальшивый, либо очень сильно изменен¹⁹. Имеется источник начала XII в., известный как текст из Кормери, где описывается, как император «отправлял послов повсюду с письмами, полными стенаний». Но, как и у Эккехарда из Ауры и Бернольда Констанцкого, в тексте из Кормери очень мало деталей, и в нем не упоминается точных деталей византийских дипломатических отношений с западными правителями, а касается он только поиска и перемещения реликвий²⁰.

Таким образом, П. Франкопан основывает свои аргументы на этой ограниченной и сложной совокупности сведений, и в некоторых отношениях он делает это успешно. В конце концов, существовал прецедент сотрудничества византийского императора и папы против мусульманского противника: в 915 г. совместные

¹⁷ Theodoros Skoutariotes. *Synopsis Chronike*. P. 184–185.

¹⁸ Ekkehardus Uraugiensis. *Chronicon Universale*. P. 213; Bernoldus Constantiensis. *Chronicon* P. 462.

¹⁹ *Hagenmeyer, H. Epistulae et Chartae*. P. 130–136.

²⁰ Текст и перевод: *Shepard, J.* How St James the Persian's head was brought to Cormery: A relic collector around the time of the First Crusade in: *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / Ed. by L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. 287–335.

войска империи и папы штурмовали сарацинскую крепость в Гарильяно на юге Италии²¹. П. Франкопан выходит за рамки данного прецедента в своем утверждении, что именно император, а не папа Урбан II первым указал на Иерусалим как на цель, когда осуществлял поиски помощи Запада для Византийской империи. Священный город действительно упоминается в мнимом письме к графу Фландрии от 1091 г. и в хронике Скутариота²². П. Франкопан подкрепляет сведения этих источников, указывая на совместное византийско-папское посольство, которое было отправлено ко двору короля Хорватии Звонимира в 1091 г. Согласно сведению «Хроники попа Дуклянина», послы нарисовали эмоциональную картину бедствий Иерусалима под властью неверных и призвали Звонимира оказать помощь христианам на Востоке²³. Более того, существует возможный прецедент, произошедший еще до правления Алексея, когда византийцы использовали соблазн Иерусалима для привлечения поддержки с Запада. Согласно письму Бензона, епископа Альбы, три византийских посла, прибывшие в Рим в мае 1062 г., принесли с собой письма от византийского императора Константина X, в которых он призывал папу не только помочь византийцам изгнать норманнов из Италии, но и возглавить экспедицию по освобождению Иерусалима и Гроба Господня от владычества неверных²⁴. Таким образом, предположение о том, что византийцы усиливали обращения, связав свое бедственное положение с положением Гроба Господня, убедительно и обосновано, насколько это возможно, в рамках имеющихся сведений источников.

Другой вопрос, который рассматривает П. Франкопан, заключается в том, стояли ли за историями о зверствах, которые распространялись в Западной Европе в конце XI в., византийцы. И в письме к графу Фландрии, и в тексте из Кормери содержится

²¹ *Chronica Monasterii Casinensis*. P. 133–135; *Liudprandus Cremonensis. Antapodosis II*. 52; *De Administrando Imperii*. P. 128–129.

²² *Hagenmeyer, H. Epistulae et Chartae*. P. 136.

²³ *Франкопан, П. Первый крестовый поход...* С. 92.

²⁴ *Cowdrey, H. E. J. Pope Gregory VII's 'crusading' plans of 1074*, in: *Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem Presented to Joshua Prawer* / Ed. by B. Z. Kedar, H. E. Mayer, R. C. Smail. Jerusalem, 1982. P. 38–39.

ужасающий рассказ о жестокостях, предположительно совершенных турками-сельджуками во время захвата ими Западной Малой Азии. Точка зрения П. Франкопана состоит в том, что сходство этих рассказов с историями, рассказанными в проповеди Урбана II в Клермоне в 1095 г., зависит от того обстоятельства, что информация, исходящая из Малой Азии, тщательно обрабатывалась императором Алексеем I²⁵. Это, конечно, было не всегда так.

Рассказы о невзгодах, которые переживали христиане в Святой Земле, уже давно были принесены в Западную Европу паломниками и послами патриарха, который просил финансовую помощь²⁶. Количество этих историй, как кажется, лишь увеличивалось в десятилетия до Первого крестового похода, совершенно независимо от императора, и они внесли свой вклад в пропаганду крестовых походов, распространявшуюся в 1090-х годах, включая поддельную энциклику Папы Сергия IV²⁷. Учитывая, что большинство иерусалимских паломников, вероятно, путешествовали по суше через Константинополь, они проходили через Малую Азию и вполне могли получить там информацию, которая впоследствии распространилась на западе. С другой стороны, нет ничего невероятного в том, что послы Алексея в Пьяченце усиливали свою просьбу о помощи, рассказывая ужасные истории о преследованиях христиан, точно так же, как они могли бы сделать отсылку к судьбам Иерусалима и Гроба Господня. Можно было бы представить как можно более убедительные доводы. К тому же, истории о зверствах использовались подобным образом в прошлом. В письме к франкскому импе-

²⁵ Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 109.

²⁶ *Ikonomopoulos, K.* Byzantium and Jerusalem, 813–975: From indifference to intervention, in: *Papers from the First and Second Postgraduate Forums in Byzantine Studies: Sailing to Byzantium* / Ed. by S. Neocleous. Newcastle-upon-Tyne, 2009. P. 13–14; *Harris, J.* Wars and rumours of wars: England and the Byzantine world in the eighth and ninth centuries, in: *Mediterranean Historical Review*. 1999. Т. 14. P. 38–39.

²⁷ *Jotischky, A.* The Christians of Jerusalem, the Holy Sepulchre and the origins of the First Crusade, in: *Crusades*. 2008. Т. 7. P. 36–38; *France, J.* The destruction of Jerusalem and the First Crusade, in: *Journal of Ecclesiastical History*. 1996. Vol. 47. P. 1–17.

ратору Людовикоу Благочестивому в 824 г. византийский император Михаил II описывал мятежника Фому Славянина как разбойника, который разбойничал и грабил во главе армии неверных, хотя его мятеж, вероятно, имел много последователей среди христиан²⁸. Цель заключалась в том, чтобы вызвать симпатию Запада и представить дело Михаила как справедливое.

П. Франкопан также утверждает, что именно император Алексей стоял за использованием реликвий для усиления призыва к крестовому походу. Он считает, что император даже мог подарить небольшие фрагменты Истинного Креста, которые Урбан II в свою очередь подарил многим церквям, освященным им во Франции в течение нескольких месяцев после произнесения своей речи в Клермоне²⁹. Нет никаких конкретных сведений о том, что Алексей когда-либо делал такой подарок или что, если бы он его когда-то и делал, он надеялся, что эти реликвии будут распространяться в том числе с целью вербовки воинов для помощи Византии. С другой стороны, опять же, в такой перспективе нет ничего невероятного. Принято считать, что византийский император владел большей частью тех фрагментов Истинного Креста, и они находились в часовне Пресвятой Богородицы Фаросской внутри Большого дворца. Император постоянно дарил мелкие частицы Креста и другие реликвии тем или иным сановникам или потенциальным союзникам. Он послал золотой реликварий с мощами святых императору Генриху IV (1056–1106)³⁰. Также имелись прецеденты еще до правления Алексия, когда реликвии раздавались в качестве дипломатических даров. Ульфрику, епископу Орлеанскому, была вручена небольшая часть Истинного Креста, когда он в 1020-х гг. посетил Константинополь, а золотой реликварий с мощами святых был отправлен английскому королю Эдуарду Исповеднику (1042–1066)³¹.

²⁸ Lemerle, P. Thomas le Slave, in: ТМ. 1965. Т. 1. Р. 256.

²⁹ Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 106.

³⁰ Anna Komn. Alexias. III.10. О часовне Пресв. Богородицы см.: Harris, J. Constantinople: Capital of Byzantium, London, New York, 2007. Р. 64–66.

³¹ Ciggaar, K. N. England and Byzantium on the Eve of the Norman Conquest, in: Anglo-Norman Studies. 1982. Vol. 5. Р. 90–95.

Таким образом, соблазн Иерусалима, рассказы о зверствах и реликвии в качестве стимулов при обращении Алексея I к Урбану II вполне правдоподобны, даже если сведения источников о них зачастую весьма незначительны. Однако мы не можем согласиться с точкой зрения П. Франкопана, когда он использует эту трактовку в качестве основы для предположения, что Алексей каким-то образом продиктовал содержание проповеди Урбана II в 1095 г., а также организовал маршрут и стратегию, которые были избраны крестоносцами после того, как они отправились в путь³². Автор полагает, что именно Алексей должен был утвердить стратегические цели, и что видение императора также было основополагающим в формировании процесса набора воинов для участия в крестовом походе³³. Хотя он и признает, что имеется мало сведений, которые связывали бы выбор маршрута с императором, П. Франкопан, тем не менее, утверждает, что интервалы, с которыми двигались эти отряды, кажутся слишком удобными и идеальными, чтобы быть случайными³⁴. Эта теория П. Франкопана кажется нам проблематичной отчасти потому, что она основана исключительно на наборе возможных событий. Но главным образом она вызывает вопросы потому, что даже если бы император действовал так, как предполагает исследователь, это не означало бы управления крестовым походом. Урбан II находился далеко от Константинополя и имел собственные планы, и гораздо более вероятно, что он использовал некоторые элементы пропаганды Алексея для того, чтобы сообщить свои собственные идеи, а не слепо следовал воле императора. В данном случае П. Франкопан и С. Рансимен представляют две крайности аргументации: для одного император Восточной империи является главным организатором начала Первого крестового похода, для другого он не имеет к нему никакого отношения.

Это, естественно, позволяет предположить третью возможность, которую высказал недавно Дж. Харрис: что Алексей, безусловно, принимал участие в организации самого похода, но в период призыва Латинского Запада он просто использовал испытанный

³² Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 101.

³³ Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 111.

³⁴ Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 115.

и проверенный византийский опыт ответов на кризис³⁵. В конце концов, стоит задать вопрос, почему Алексей вообще обратился к Западной Европе. П. Франкопан отвечает, что за предыдущие десятилетия между Востоком и Западом выросло «повышенное чувство христианской солидарности», и именно оно побудило Алексея бросить взгляд в этом направлении³⁶. Однако можно взглянуть на эти события в другом ключе. Алексей повел себя нетрадиционно не вследствие какого-то нового развития ситуации. Напротив, он применял очень традиционный ответ на кризис, который византийцы постоянно использовали в прошлом. Здесь можно выделить три основных момента, о которых говорит и наш автор. Первым был поиск внешних союзников, а вторым — предоставление им финансового стимула для того, чтобы они сражались на стороне империи. Третий элемент, однако, является наиболее важным и спорным: византийцы очень любили вносить духовный элемент в соглашения со своими союзниками.

Многочисленные более ранние примеры можно найти в отношении первого элемента. В 989 г. Василий II (976–1025) заручился помощью киевского князя Владимира (980–1015) против мятежника Варды Фоки. Константин IX Мономах (1042–1055) видел в папе союзника против норманнов в южной Италии³⁷. Таким образом, обращение Алексея к папе Урбану II в Пьяченце в 1095 г. укладывается в эту схему. Точно так же хорошо подтверждаются финансовые стимулы. Послу западного императора Оттона I в Константинополь в 969 г. византийцы пригрозили нападением на него не их собственными войсками, а перспективой того, что другим будут платить за сражение против него³⁸. Пример такого стимула на практике произошел в 967 г., когда император Никифор II Фока (963–969) заплатил 1500 фунтов золота киевскому князю Святославу для нападения на Болгарию³⁹. Параллели с Первым крестовым походом очевидны. И Анна Комнина, и латинские

³⁵ Harris, J. *Byzantium and the Crusades*. London, New York. 2014. P. 39–58.

³⁶ Франкопан, П. Первый крестовый поход... С. 87.

³⁷ Ioan. Scyl. *Synopsis Historion*. P. 336; Yahya Antioch. P. 196; Guillelmus Apuliensis. *Gesta*. P. 137.

³⁸ Liudprandus Cremonensis. *Legatio*. P. 53.

³⁹ Leo Deac. *Hist*. P. 63.

источники постоянно описывают щедрость, расточаемую на вождей крестового похода⁴⁰.

Никто не станет спорить, что византийцы очень любили платить иноземцам, чтобы те сражались за них. Тот взгляд, что в соглашение был внесен духовный элемент, гораздо менее традиционен, но и его определенно можно заметить, когда византийцы имели дело с потенциальными христианскими союзниками. В конце концов, если византийский император в самом деле считал себя римским императором и государем, правившим на земле по воле Бога и имевшим священный долг защитить христианский народ, то сражаться с ним было грехом, а, следовательно, сражаться за него являлось религиозным долгом. Эта идея хорошо подтверждается в византийских источниках. В 924 г. Константинопольский патриарх Николай I Мистик говорил царю Симеону Болгарскому, осаждавшему Константинополь, что «[Бог] ненавидит, питает отвращение и мстит за зло, причиненное даже скромному сироте, тем более за зло, причиненное императору, которого он сам своей волей и по своему одобрению поставил властелином и господином Своего наследия»⁴¹. Доброму христианину нельзя было сражаться с византийским императором. Договоры с теми, кто вступал в союз с императором, имели такую формулировку, чтобы продемонстрировать, что, поступая таким образом, они соглашались с надлежащим порядком вещей. Хороший пример — это договор с Робертом Гвискаротом от 1074 г.: «Со своей стороны, ты [Роберт] обязуешься демонстрировать Нам покорность и добрые намерения, которые Нам причитаются».

Этот духовный элемент, эта нравственная ценность, придаваемая союзу с императором, усиливалась требованием к союзникам, чтобы они приносили клятву, которая в средние века считалась священной. Зачастую она давалась на Библии или на мощах святых. Клятва требовалась от западного императора Генриха IV, когда в 1081 г. с ним был заключен договор, и от графа Фландрии, который в 1089 г. согласился отправить пятьсот

⁴⁰ Anna Komn. Alexias. X. 11; Albericus Aquensis. Historia. P. 86–87; Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana. P. 179.

⁴¹ Nicolaos I Mystikos. Lettr. P. 27.

рыцарей для службы под началом Алексия I⁴². Принесение клятвы публично провозглашало, что сражение за византийского императора являлось религиозным долгом христианина. Клятва потребовалась и от крестоносцев, когда они в 1096–1077 гг. прибыли в Константинополь. Между византийскими и латинскими источниками существуют некоторые разногласия по поводу условий этих соглашений. Анна Комнина говорит лишь, что крестоносцы обещали вернуть императору отвоеванные ими поселения и города, которые ранее принадлежали империи⁴³. Латинские авторы склонны делать упор на помощь и содержание войска, которые император согласился предоставлять во время экспедиции во время ее движения на восток⁴⁴. Вполне вероятно, что клятвы действительно содержали эти два элемента, но также, как и в случае с клятвой, принесенной Робертом Гвискараром, некоторое признание верховенства византийского императора.

Учитывая, что духовный элемент был настолько основополагающим при заключении соглашений империи с потенциальными союзниками, весьма вероятно, что он также присутствовал при попытках привлечь союзников в 1080-х и 1090-х гг., которые должны были привести к Первому крестовому походу. И этот духовный элемент имеет много общего с идеями П. Франкопана. Исследователь предполагает, что именно усилия Алексея помогли превратить Первый крестовый поход в тот духовный подвиг, каковым он в конце концов стал. Но потребовалось объяснение, почему Алексей и крестоносцы в конечном итоге рассорились друг с другом. По мнению Ст. Рансимана все было просто: грубые и некультурные крестоносцы не могли понять сложную византийскую цивилизацию и поэтому обратились против нее⁴⁵. Это объяснение возлагает всю вину на варваров-крестоносцев, и явно упрощает проблему, поэтому очень немногие серьезные исследователи соглашаются с такой трактовкой. Ответ П. Франкопана гораздо более реалистичен.

⁴² *Безобразов, П.* Хрисовул императора Михаила VII Дуки, в: Византийский Временник. 1899. Т. 6. 140–143. Особ. 141.

⁴³ Anna Komn. Alexias. II, VII. 6.

⁴⁴ Anna Komn. Alexias. X. 10.

⁴⁵ Albericus Aquensis. Historia. P. 87–88.

Разлад произошел исключительно вследствие неспособности Алексея освободить Антиохию в 1098 г. и отказа Боэмунда Тарентского вернуть ему город⁴⁶. Тем не менее, датируя этот разлад событиями, произошедшими под стенами Антиохии, П. Франкопан не замечает вполне очевидного напряжения, которое уже существовало, когда крестоносцы находились в Константинополе. При этом он полагает, что об этом напряжении латинские историки крестового похода писали в своих источниках задним числом. В это трудно поверить, учитывая то, что говорит по этому поводу Раймунд Ажилский, который был очевидцем произошедшего разлада. Поскольку его сеньор граф Тулузский позже стал союзником византийского императора, можно было ожидать, что он опустит тот факт, что граф и император весной 1097 г. чуть было не вступили в войну. Он этого не делает, и все, кто исследует эти события, могут совершенно отчетливо видеть, что острое напряжение существовало задолго до захвата Боэмундом Антиохии. Скорее всего, именно традиционное требование клятвы вызывало глубокое возмущение, о чем свидетельствуют резкие возражения некоторых вождей крестоносцев против этого требования. Они жаловались, что такая клятва недостойна их, что у них нет другого господина, кроме Бога, и что невозможно служить одновременно общему благу и «царю греков»⁴⁷. Похоже, они толковали ее как некое «феодалное» соглашение между сеньором и его человеком. Альберт Аахенский утверждает, что Годфрид Бульонский стал вассалом, будучи связанным по рукам»⁴⁸.

Таким образом, разрыв между Алексеем I и участниками Первого крестового похода и последующие отношения между Византией и крестоносцами, скорее всего, стали результатом применения Византией традиционной политики и тактики в тех обстоятельствах, когда они оказались неуместными. Византийская идея о том, что служение христианскому императору, пребывавшему в Константинополе, и защита его империи само по себе являлось духовным долгом, вступила в прямое противоречие с верой крестоносцев в том, что конечной целью

⁴⁶ *Runciman, S.* A History of the Crusades... Vol. 3. P. 475.

⁴⁷ *Frankopan, P.* The First Crusade... P. 169.

⁴⁸ *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum. P. 41–42.

было освобождение Иерусалима. И Анна Комнина, и Раймунд Ажилский описывают, как Алексей I решил не сопровождать крестоносцев в Иерусалим, поскольку он ставил безопасность своей империи на первое место⁴⁹. В конечном итоге, преследуя цели, совершенно отличные от целей реформированного папства и вождей крестоносцев, и применяя методы, которые западные европейцы зачастую считали позорными, византийцы в глазах крестоносцев создавали впечатление, будто империя отказалась принимать участие в благочестивом деле защиты Иерусалима и Святой Земли от общего мусульманского врага. Такое развитие событий во многом объясняет, что должно было произойти позднее.

Но, несмотря на некоторые точки зрения, высказанные П. Франкопаном, которые могут вызвать критические вопросы и иные мнения, следует признать, что его монография — это фундаментальное историческое исследование. И оно во многом позволяет по-новому взглянуть на историю Первого крестового похода, на место византийского императора в его организации. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что перевод данного исследования П. Франкопана на русский язык вполне оправдан, и оно найдет в России своего благодарного читателя.

Информация о статье

Морозов, М. А. Призыв с Востока или «Так хочет Бог!». Рецензия на книгу П. Франкопана «Первый крестовый поход: Зов с Востока», В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2021. Вып. 6 (1). С. 178–199.

Максим Анатольевич Морозов, к. и. н., главный библиотекарь Научной библиотеки имени М. Горького. Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)

УДК 183 94(569.4).034

m.morosov@spbu.ru

⁴⁹ Albericus Aquensis. *Historia*. P. 86–87. Рассуждение о том, как обе стороны рассматривали клятвы, см.: *Harris, J. Byzantium and the Crusades*, 63–64, 69–70; *Lilie, R.-J. Byzantium and the Crusader States*, 1095–1204. Oxford, 1993. P. 24–25; *Pryor, J. H. The oaths of the leaders of the First Crusade to the Emperor Alexius I Comnenus: fealty, homage — pistis, douleia*, in: *Parergon*. 1984. T. 2. P. 111–132.

Статья представляет собой рецензию на книгу П. Франкопана «Первый крестовый поход: Зов с Востока». Исследователь рассматривает вопрос о роли византийского императора Алексея I Комнина в организации крестового похода и в дальнейшем руководстве им. Анализируются различные точки зрения самого П. Франкопана и других современных историков на проблему формирования идеологии крестоносного движения. Критикуется основополагающий тезис автора книги, что Алексей I являлся главным вдохновителем похода, определяющим его цели и намерения. Алексей, безусловно, принимал участие в организации самого похода, но в период призыва Латинского Запада он просто использовал испытанный и проверенный византийский опыт ответов на кризис. Он заключался в использовании иноземных союзных войск, которые нанимались за плату, для решения задач обороны территории империи. Последующий разрыв между императором и участниками Первого крестового похода и дальнейшие отношения между Византией и крестоносцами стали результатом применения Византией традиционной политики и тактики в тех обстоятельствах, когда они оказались неуместными.

Ключевые слова: П. Франкопан, Византия, Первый крестовый поход, Алексей I Комнин, крестоносцы, идеология

Information on the article

Morozov, M. A. Prizyv s Vostoka ili «Tak khochet Bog!». Retsenziya na knigu P. Frankopana «Pervyy krestovyy pokhod: Zov s Vostoka» [Call from the East or «This is what God wants!» Review of the book by P. Frankopan «The First Crusade: A Call from the East»], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2020. Vol. 6 (1). P. 178–199.

Maxim Anatoljevich Morozov, Doctor of History, Senior Librarian of the Gogol's Scientific Library, Saint Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Universitetskaya nab., 7/9)

m.morosov@spbu.ru

The article is a review of the book by P. Frankopan «The First Crusade: A Call from the East». The researcher examines the question of the role of the Byzantine emperor Alexei I Comnenus in the organization of the crusade and in its further leadership. Various points of view of P. Frankopan himself and other modern historians on the problem of the formation of the ideology of the crusading movement are analyzed. The author criticizes the fundamental thesis of the author of the book that Alexei I was the main inspirer of the campaign, determining his goals and intentions. Alexei, of course, took part in organizing the campaign itself, but during the period of the appeal of the Latin West, he simply used the tried and tested Byzantine experi-

ence of responding to the crisis. It consisted in the use of foreign allied forces, which were hired for a fee, for solving the problems of defending the territory of the empire. The subsequent rift between the emperor and the participants of the First Crusade and further relations between Byzantium and the Crusaders were the result of the application of traditional policies and tactics by Byzantium in those circumstances when they were inappropriate.

Key words: P. Frankopan, Byzantium, First Crusade, Alexios I Komnenes, crusaders, ideology

Список источников и литературы

Успенский, Ф. И. История Крестовых походов. СПб.: Евразия, 2000. 378 с.
Франкопан, П. Первый крестовый поход: Зов с Востока / Пер. с англ. М. Витебский. М.: АНФ, 2018. 400 с.

Франкопан, П. Шёлковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: Эксмо, 2017. 970 с.

Хилленбранд, К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. М., СПб.: ДИЛЯ, 2008. 687 с.

Albert of Aachen, *Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem* / Trans. S. Edington. Oxford: Clarendon, 2007. 1010 p.

Anna Komnenes. *Alexias* / Ed. D. R. Reinsch. Cologne: de Gruyter, 1996. 560 s.
Chronica Monasterii Casinensis / Ed. H. Hoffmann in: *Monumenta Germaniae Historica Scriptores*. Vol. 34. Hanover: Hahnsche Buchhandlung, 1980. 773 s.

Ciggaar, K. N. England and Byzantium on the Eve of the Norman Conquest, in: *Anglo-Norman Studies*. 1982. Vol. 5. P. 90–95.

Constantine VII Porphyrogenitos. *De Administrando Imperio* / Ed. G. Moravcsik, trans. R.J.H. Jenkins (CFHB 1), Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. 353 p.

Cowdrey, H. E. J. Pope Gregory VII's 'crusading' plans of 1074, in: *Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem Presented to Joshua Prawer* / Eds. B. Z. Kedar – H. E. Mayer – R. C. Smail. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Institute, 1982. P. 27–40.

Ekkehard von Aura. *Chronicon Universale*, in: *Monumenta Germaniae Historica Scriptores*. Bd. 6. Hannover: Imp. Bibliopolii Avlici Hahniani, 1844. S. 33–245.

France, J. Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade, in: *Reading Medieval Studies*. 1984. Vol. 10. P. 20–38.

France, J. The destruction of Jerusalem and the First Crusade, in: *Journal of Ecclesiastical History*. 1996. Vol. 47. P. 1–17.

Frankopan, P. Kinship and the distribution of power in Komnenian Byzantium, in: *English Historical Review*. 2007. Vol. 495. P. 1–34.

Frankopan, P. Kriegspilger: Der erste Kreuzzug / Übersetzung von Norbert Juraschitz. Berlin: Rowohlt, 2017. 400 S.

Frankopan, P. The First Crusade: The Call from the East. London: The Bodley Head, 2012. 286 p.

Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana (1095–1127) / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg: Carl Winter, 1913. 926 S.

Guillaume de Pouille. Le Geste de Robert Guiscard / Édition, traduction, commentaire et introd. par Marguerite Mathieu, avec une préf. de Henri Grégoire.. Palermo : Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici, 1961. 416 p.

Hagenmeyer, H. Epistulae et Chartae ad Historiam Primi Belli Sacri Spectantes: die Kreuzzugsbriefe aus den Jahre 1088–1100. Innsbruck: Wagner, 1901. 454 S.

Harris, J. Byzantium and the Crusades. London, New York: Bloomsbury, 2014. 282 p.

Harris, J. Constantinople: Capital of Byzantium. London, New York: Hambleton Continuum, 2007. P. 304.

Harris, J. Wars and rumours of wars: England and the Byzantine world in the eighth and ninth centuries, in: *Mediterranean Historical Review*. 1999. T. 14. P. 29–46.

Hillenbrand, C. The Crusades: Islamic Perspectives. Edinburgh: Routledge, 1999. 704 p.

Ikonomopoulos, K. Byzantium and Jerusalem, 813–975: From indifference to intervention, in: Papers from the First and Second Postgraduate Forums in Byzantine Studies: Sailing to Byzantium / Ed. S. Neocleous. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P 7–25.

Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Ed. J. Thurn. Berlin, New York: de Gruyter, 1973. 580 p.

Joannes Zonaras. Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorf. Leipzig: Teubner, 1868–1875. Vol. 1–3.

Jotischky, A. The Christians of Jerusalem, the Holy Sepulchre and the origins of the First Crusade, in: *Crusades*. 2008. T. 7. P. 35–57.

Lemerle, P. Byzance et la croisade, in: *Relazioni del X congresso di scienze storiche*. Florence 1955. Vol. 3. P. 595–620.

Lemerle, P. Thomas le Slave, in: *TM*. 1965. T. 1. 256 p.

Leo Deaconus. Historiae Libri Decem / Ed. C.B. Hase. Bonn: Weber, 1828. 672 S.

Lilie, R.-J. Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten: Studien zur Politik des Byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum vierten Kreuzzug, 1096–1204. München: Wilhelm Fink, 1981. 562 S.

Lilie, R.-J. The crusades and Byzantium during the twelfth century, in: *The Crusades: Other Experiences, Alternate Perspectives* / Ed. K. I. Semaan. New York: Binghampton, 2003. P. 27–46.

Liutprandus Cremonensis. Opera Omnia / Ed. P. Chiesa. Turnhout: Typ. Brepols Editores Pontificii, 1998. 233 p.

Nicholas I Mystikos. Letters, ed. and trans. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. 213 p.

Phillips, J. Holy Warriors: A Modern History of the Crusades. London; New York: Vintage, 2009. 464 p.

Pryor, J. H. The oaths of the leaders of the First Crusade to the Emperor Alexius I Comnenus: fealty, homage — pistis, douleia, in: *Parergon* 1984. T. 2. P. 111–132.

Raymond de Aguilers. Le “Liber” de Raymond d’Aguilers / Ed. J. H. Hill, L. L. Hill. Paris: Geuthner, 1969. 165 p.

Riley-Smith, J. The First Crusade and the Idea of Crusading. London: The Athlone Press, 1986. 236 p.

Runciman, S. A History of the Crusades. Vol. 1–3. Cambridge: Cambridge University Press, 1951–1954.

Sakellariou, E. Byzantine and modern Greek perceptions of the crusades, in: *Palgrave Advances in the Crusades* / Ed. H. J. Nicholson. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan UK, 2005. P. 245–268.

Shepard J. How St James the Persian’s head was brought to Cormery: A relic collector around the time of the First Crusade in: *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / Ed. L. M. Hoffmann. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. P. 287–335.

Theodoros Skoutariotes. Synopsis Chronike, in: Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / Ed. C.N. Sathas. Athens, Venice, Paris: Typ. tou Chronou, 1872–94. Vol. 7. P. 1–556.

Thomas, R. D. Anna Comnena’s account of the First Crusade, in: *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1991. Vol. 15. P. 269–312.

Treadgold, W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford: Stanford University Press, 1997. 1019 p.

Tyerman, C. Fighting for Christendom: Holy War and the Crusades. Oxford: Oxford University Press, 2004. 262 p.

Yahya al-Antaki. Cronache dell’Egitto fatimide e dell’impero bizantino (937–1033) / Trans. B. Pirone. Milan: Editoriale Jaca Book SpA, 1997. 399 p.

References

Chiesa, P. (Ed.) *Liutprandus Cremonensis*. Opera Omnia. Turnhout: Typ. Brepols Editores Pontificii, 1998. 233 p.

Ciggaar, K. N. England and Byzantium on the Eve of the Norman Conquest, in: *Anglo-Norman Studies*. 1982. Vol. 5. P. 90–95.

Cowdrey, H. E. J. Pope Gregory VII’s ‘crusading’ plans of 1074, in: *Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem Presented to Joshua Prawer* /

Eds. B. Z. Kedar, H. E. Mayer, R. C. Smail. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Institute, 1982. P. 27–40.

Edgington, S. (Trans.) Albert of Aachen, *Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem*. Oxford: Clarendon, 2007. 1010 p.

Ekkehard von Aura. Chronicon Universale, in: *Monumenta Germaniae Historica Scriptores*. Bd. 6. Hannover: Imp. Bibliopolii Avlici Hahniani, 1844. S. 33–245.

France, J. Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade, in: *Reading Medieval Studies*. 1984. Vol. 10. P. 20–38.

France, J. The destruction of Jerusalem and the First Crusade, in: *Journal of Ecclesiastical History*. 1996. Vol. 47. P. 1–17.

Frankopan, P. Kinship and the distribution of power in Komnenian Byzantium, in: *English Historical Review*. 2007. Vol. 495. P. 1–34.

Frankopan, P. Kriegspilger: Der erste Kreuzzug / Übersetzung von Norbert Juraschitz. Berlin: Rowohlt, 2017. 400 S.

Frankopan, P. The First Crusade: The Call from the East. London: The Bodley Head, 2012. 286 p.

Frankopan, P. Pervyy krestovyy pokhod: Zov s Vostoka [The First Crusade: Call from the East] / Per. s angl. M. Vitebskiy. M.: ANF, 2018. 400 p. (in Russian)

Frankopan, P. Shelkovyy put'. Doroga tkaney, rabov, idey i religiy [Silk Road. The road of textiles, slaves, ideas and religions]. Moskva: Eksmo, 2017. 970 p. (in Russian)

Guillaume de Pouille. Le Geste de Robert Guiscard / Édition, traduction, commentaire et introd. par Marguerite Mathieu, avec une préf. de Henri Grégoire.. Palermo: Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici, 1961. 416 p.

Hagenmeyer, H. Epistulae et Chartae ad Historiam Primi Belli Sacri Spectantes: die Kreuzzugsbriefe aus den Jahre 1088–1100. Innsbruck: Wagner, 1901. 454 S.

Hagenmeyer, H. (Ed.) Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana (1095–1127). Heidelberg: Carl Winter, 1913. 926 S.

Harris, J. Byzantium and the Crusades. London, New York: Bloomsbury, 2014. 282 p.

Harris, J. Constantinople: Capital of Byzantium. London, New York: Hambleton Continuum, 2007. 304 p.

Harris, J. Wars and rumours of wars: England and the Byzantine world in the eighth and ninth centuries, in: *Mediterranean Historical Review*. 1999. T. 14. P. 29–46.

Hillenbrand, C. The Crusades: Islamic Perspectives. Edinburgh: Routledge, 1999. 704 p.

Hoffmann, H. (Ed.) Chronica Monasterii Casinensis in: *Monumenta Germaniae Historica Scriptores*. Vol. 34. Hanover: Hahnsche Buchhandlung, 1980. 773 S.

Ikonomopoulos, K. Byzantium and Jerusalem, 813–975: From indifference to intervention, in: Papers from the First and Second Postgraduate Forums in Byzantine

Studies: Sailing to Byzantium / Ed. S. Neocleous. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 7–25.

Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Ed. J. Thurn. Berlin, New York: de Gruyter, 1973. 580 p.

Joannes Zonaras. Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorf. Leipzig: Teubner, 1868–1875. Vol. 1–3.

Jotischky, A. The Christians of Jerusalem, the Holy Sepulchre and the origins of the First Crusade, in: *Crusades*. 2008. T. 7. P. 35–57.

Khillenbrand, K. Krestovye pokhody. Vzgl'yad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva [Crusades. View from the East: a Muslim Perspective]. Moskva; Sankt-Peterburg: DILYa, 2008. 687 p. (in Russian)

Lemerle, P. Byzance et la croisade, in: *Relazioni del X congresso di scienze storiche*. Florence 1955. Vol. 3. P. 595–620.

Lemerle, P. Thomas le Slave, in: *TM*. 1965. T. 1. 256 p.

Leo Deaconus. Historiae Libri Decem / Ed. C.B. Hase. Bonn: Weber, 1828. 672 S.

Lilie, R.-J. Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten: Studien zur Politik des Byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum vierten Kreuzzug, 1096–1204. München: Wilhelm Fink, 1981. 562 S.

Lilie, R.-J. The crusades and Byzantium during the twelfth century, in: *The Crusades: Other Experiences, Alternate Perspectives* / Ed. K. I. Semaan. New York: Binghampton, 2003. P. 27–46.

Moravcsik, G. (Ed.) Constantine VII Porphyrogenitos. De Administrando Imperio / Trans. R.J.H. Jenkins (CFHB 1), Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. 353 p.

Nicholas I Mystikos. Letters. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. 213 p.

Phillips, J. Holy Warriors: A Modern History of the Crusades. London; New York: Vintage, 2009. 464 p.

Pirone, B. (Trans.) Yahya al-Antaki. Cronache dell'Egitto fatimide e dell'impero bizantino (937–1033). Milan: Editoriale Jaca Book SpA, 1997. 399 p.

Pryor, J. H. The oaths of the leaders of the First Crusade to the Emperor Alexius I Comnenus: fealty, homage — pistis, douleia, in: *Parergon*, 1984. T. 2. P. 111–132.

Raymond de Aguilers. Le “Liber” de Raymond d'Aguilers / Ed. J. H. Hill, L. L. Hill. Paris: Geuthner, 1969. 165 p.

Reinsch D. R. (Ed.) Anna Komnenes. Alexias. Cologne: de Gruyter, 1996. 560 S.

Riley-Smith, J. The First Crusade and the Idea of Crusading. London: The Athlone Press, 1986. 236 p.

Runciman, S. A History of the Crusades. Vol. 1–3. Cambridge: Cambridge University Press, 1951–1954.

Sakellariou, E. Byzantine and modern Greek perceptions of the crusades, in: *Palgrave Advances in the Crusades* / Ed. H. J. Nicholson. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan UK, 2005. P. 245–268.

Sathas C.N. (Ed.) Theodoros Skoutariotes. Synopsis Chronike, in: Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. Athens, Venice, Paris: Typ. tou Chronou, 1872–94. Vol. 7. P. 1–556.

Shepard J. How St James the Persian's head was brought to Cormery: A relic collector around the time of the First Crusade in: *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / Ed. L. M. Hoffmann. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. P. 287–335.

Thomas, R. D. Anna Comnena's account of the First Crusade, in: *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1991. Vol. 15. P. 269–312.

Treadgold, W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford: Stanford University Press, 1997. 1019 p.

Tyerman, C. Fighting for Christendom: Holy War and the Crusades. Oxford: Oxford University Press, 2004. 262 p.

Uspenskiy, F. I. Istoriya Krestovyykh pokhodov [History of the Crusades]. Sankt-Peterburg: Evraziya, 2000. 378 p. (in Russian)